

На правах рукописи

МАКАРОВА Полина Александровна

**ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 1840-1850-Х ГГ.
И СТАНОВЛЕНИЕ ПОПУЛЯРНОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ
(Э. СЮ, А. ДЮМА, Ж. БАРБЕ Д'ОРЕВИЙИ)**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Пахсарьян Наталья Тиграновна

Официальные оппоненты: **Литвиненко Нинель Анисимовна**,
доктор филологических наук, профессор,
НОУ ВПО «Университет Российской
академии образования»,
заведующий кафедрой русского языка и
литературы
Симонова Лариса Алексеевна,
кандидат филологических наук,
ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»,
доцент кафедры истории зарубежных
литератур

Ведущая организация: **ФГБОУ «Смоленский государственный
университет»**

Защита состоится «16» октября 2014 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: ГСП-1, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2014 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент Сергеев А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена проблеме эволюции жанра романтического исторического романа XIX века и связанному с ней вопросу становления во французской литературе XIX столетия популярной беллетристики. Временной промежуток, выбранный для исследования, – 1840-1850-е гг. Изучение жанра исторического романа, его эволюции ставит перед исследователями ряд проблем: в частности, вопрос об определении понятия «исторический роман» не решен и в настоящее время. Особую сложность представляет и установление жанровых границ исторического романа. Рождение жанра связывается прежде всего с именем В. Скотта и его романом «Уэверли», вышедшим в 1814 году. С появлением исторических произведений Скотта жанр приобретает свои отличительные особенности, формируется традиция, которая впоследствии будет воспринята, осмыслена и развита французскими историческими романистами первой половины XIX века (А. де Виньи, П. Мериме, О. де Бальзаком, В. Гюго), а позднее найдет отражение и в романах середины века (Э. Сю, А. Дюма, Ж. Барбе д'Оревийи).

Материалом для исследования в рамках изучения поставленной проблемы послужили три исторических романа рассматриваемого периода (1840-1850-е гг.): «Жан Кавалье, или фанатики Севенн» (*Jean Cavalier ou les fanatiques des Cevennes*, 1840) Э. Сю, «Дочь регента» (*Une fille du Régent*, 1845) А. Дюма и «Одержимая» (*L'Enfermée*, 1855) Ж. А. Барбе д'Оревийи. Выбор предмета исследования не произволен. Каждый из этих писателей связан, с одной стороны, с эволюцией романтического исторического романа XIX столетия, с другой – со становлением популярной беллетристики этой эпохи. Важную роль в сравнительном анализе играют романы В. Скотта и ранних французских исторических романистов – А. де Виньи, О. де Бальзака, П. Мериме, В. Гюго.

Актуальность диссертационной работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современном литературоведении присутствует довольно большое количество работ по французскому историческому роману начала XIX столетия (А. де Виньи, О. де Бальзак, В. Гюго, П. Мериме)¹, однако французский

¹ См., напр.: Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик, 1937 – № 7, 9, 12; 1938 – № 3, 7, 8, 12; Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Гослитиздат, 1958. 380 с.; Durand-Le Guern I. Le roman historique. P.: A. Collin, 2008. 127 p.; Gengembre G. Le roman historique. P.: Klincksieck, 2006. 159 p.

исторический роман середины века затрагивается чаще всего вскользь, становясь предметом изучения лишь в некоторых работах, которые в большинстве своем посвящены творчеству отдельных романистов. Проблема же эволюции жанра исследователями не ставится². Во-вторых, такое явление, как популярная беллетристика, все больше привлекает внимание исследователей, что несомненно создает необходимость обратиться к истокам данного феномена в национальных литературах, в данном случае – во французской.

Научная новизна работы заключается в том, что тема диссертации обращается к актуальным проблемам исследования романтической прозы, жанрового своеобразия исторического романа, а также к новым теоретическим проблемам формирования популярной литературы XIX в., исследуя их в новом ракурсе с использованием современной методологии. Новизна предмета исследования связана также с недостаточной изученностью и у нас, и за рубежом исторических романов Э. Сю³ и А. Дюма⁴ и полной неизученностью в отечественном литературоведении романов Ж. Барбе д'Оревиий⁵. Все три романа впервые становятся объектом специального сопоставительного анализа.

Цель исследования – уделить особое внимание взаимодействию во французской литературе середины XIX века исторического романа и популярной беллетристики, а также *roman populaire* как одной из ее жанровых разновидностей.

² Среди исследований, рассматривающих проблему эволюции жанра, можно отметить лишь работу Литвиненко Н. А. Французский исторический роман первой половины XIX века: Эволюция жанра: Учебное пособие. М.: Издательство УРАО, 1999. 163 с.

³ Из последних работ следует отметить статьи К. А. Чекалова и Е. Ю. Сапрыкиной для сборника «Французская литература 30 - 40-х годов XIX века: "Вторая проза" (2006) (Сапрыкина Е. Ю. Блеск и нищета "больших" романов Эжена Сю; Чекалов К. А. Жанровый поиск раннего Э. Сю (рубеж 1830-1840 гг.), однако историческим романам писателя в них уделено мало внимания. Из исследований, посвященных, в частности, «Жану Кавалье» см. Шутова И. И. Исторические романы Э. Сю: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.01.05. Пермь, 1985; а также глава в исследовании Н. А. Литвиненко (Литвиненко Н. А. Французский исторический роман первой половины XIX века: эволюция жанра: дисс. ... доктора филологических наук: 10.01.05. Москва, 1999).

⁴ Среди относительно недавних крупных исследований см. Бейнарович О. Л. История и вымысел в романах А. Дюма: диссертация кандидата филологических наук: 10.01.03. СПб, 2002; Литвиненко Н. А. Тетралогия А. Дюма о Великой французской революции: поиски эпического синтеза. М.: Издательство УРАО, 2005. Однако большинство работ рассматривает произведения Дюма в контексте соотношения правды и вымысла в его романах, не уделяя внимания присутствию в них массового элемента, наличию приемов создания увлекательности.

⁵ Первые статьи, посвященные его жизни и творчеству, были написаны М. Волошиным и В. Брюсовым, высоко ценившим произведения Барбе д'Оревиий. Советское литературоведение никогда всерьез не изучало творчество Барбе д'Оревиий, подразумевая, что писатель мало достоин внимания. В последнее время по-прежнему публиковалось совсем немного работ о творчестве романиста: можно отметить недавно вышедшую монографию Т. В. Соколовой «Многоликая проза романтического века во Франции» (СПб, 2014), ее же статью «Загадка Барбе д'Оревиий» (1993), предисловие к изданию избранных произведений Барбе д'Оревиий «Имени нет» (2006), немногочисленные статьи справочного характера.

В литературоведении нередко можно встретить точку зрения, согласно которой исторические произведения 1840-50-х годов XIX столетия относят не к жанру исторического романа, а к жанрам паралитературы (приключенческому роману, роману плаща и шпаги, roman populaire)⁶. Однако, думается, жанровое взаимодействие в данном случае более сложное и тонкое.

В соответствии с заявленной целью в работе ставятся следующие **задачи**:

- выявить характерные черты французского исторического романа середины XIX века, приемы, используемые писателями для отображения истории в художественном произведении;
- проследить, как в поэтике жанра исторического романа этого периода зарождаются и развиваются черты *littérature populaire*;
- продемонстрировать наличие *трансформации* жанра в середине XIX в. через взаимодействие с другими романскими формами и сближение с популярной беллетристикой.

Метод, применяемый в диссертации, можно охарактеризовать как сочетание историко-литературного, сравнительно-типологического и культурно-исторического подходов. Корпус **теоретико-методологических работ**, использованных в данном исследовании, включает труды отечественных и зарубежных литературоведов, посвященные понятию историзма (М.А. Барга, Б. Кроче, М. Блока, Х. Уайта); проблемам исторического романа в современном литературоведении (Л. Мэгрона, Г. Лукача, Б.Г. Реизова, Н.А. Литвиненко, К. Бернар, Ж. Молино, Ж. Нело, Ж. Жанжамбра, И. Дюран-Ле Герн); популярной беллетристике и жанру «roman populaire» как ее разновидности (М. Анжено, И. Оливье-Мартена, Ж.-И. Тадье, Д. Куэнья, А.-М. Буайе, Дж. Г. Кавелти, А. Ноэ, Ю. М. Лотмана).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исторический роман 1840-1850-х гг. сохраняет связь с жанровой традицией, заложенной в начале века (произведениями В. Скотта, А. де Виньи, П. Мериме, О. де Бальзака, В. Гюго), что проявляется в поэтике произведений этого периода (романах Э. Сю, А. Дюма, Ж. Барбе д'Оревийи).
2. Постепенно намечается смещение акцентов в жанровой поэтике исторического романа в сторону популярной беллетристики.

⁶ Например, романы А. Дюма и Э. Сю.

3. Подобные модификации жанра обусловлены в том числе и историческим контекстом: изменения в общественной жизни и бурное развитие прессы способствуют возрождению жанра романа. Публикация в периодических изданиях, благодаря своим особенностям, быстро приводит к популярности различных форм данного жанра, поскольку существенно расширяет потенциальный круг читателей за счет своей невысокой цены и доступности различным слоям населения.
4. Нисхождение исторического романа в русло популярной беллетристики не стоит воспринимать как угасание жанра. Речь идет скорее о *модификации* существующей жанровой формы, а не о выработке новой.
5. Характерные черты исторического романа 1840-1850-х гг. намечают новый этап в развитии жанра, демонстрируя, что присутствие элементов популярной беллетристики, «массового» в его структуре, органично сплетаясь с традиционными чертами, способствует эволюции жанра, его актуализации, адаптации к новым условиям существования и не выводят произведения этого периода из жанровых рамок.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты диссертационной работы могут быть использованы в исследовании аналогичного типа в отношении творчества других авторов, при чтении лекций по истории зарубежной литературы XIX в., спецкурсов и в работе спецсеминаров по популярной беллетристике и французскому историческому роману XIX в.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на международных научных конференциях, в т.ч. на заседаниях секции «Филология» ежегодной конференции молодых ученых «Ломоносов» (2011, 2013), на XLIII Международной филологической конференции (филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 11-15 марта 2014 г.), конференции «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» (Институт филологии СО РАН, 14-16 мая 2013 г.). Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (26.05.2014 г.).

Структура диссертации. Работа предваряется введением, дающим подробный обзор теоретических работ по историческому роману и популярной беллетристике, и состоит из трех глав, где анализируются тексты романов Э. Сю, А. Дюма и Ж. Барбе д'Оревийи в историко-литературном контексте изучаемого периода. Каждая глава разбита на параграфы. В основу композиции положен принцип последовательного рассмотрения произведений по отдельности, по хронологии их выхода в свет. Завершается работа заключением и библиографическим списком, включающим 222 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертации, актуальность и новизна работы, причины выбора предмета анализа, а также выводится цель исследования, и ставятся задачи работы. Уделяется внимание понятию историзма как подхода к осмыслению действительности, сложившегося в XIX веке и подготовившего возникновение и расцвет в этот период жанра исторического романа. Кроме того, рассматриваются подходы к изучению исторического романа в современном литературоведении и связанные с ним проблемы. Введение также подводит итог работе западных и отечественных теоретиков паралитературы и позволяет проверить выработанные ими положения на новом материале: впервые в отечественном литературоведении в контексте соотношения исторического романа и популярной беллетристики рассматривается исторический роман «Одержимая» Ж. Барбе д'Оревийи. Дается характеристика общественной и литературной обстановки во Франции в 1840-1850-х гг., а также формулируются определения терминов, используемых в работе в связи с вопросом становления популярной беллетристики: «популярная литература», «массовая литература», «популярная беллетристика», «паралитература», «roman populaire».

В первой главе «Исторический роман Э. Сю: «Жан Кавалье, или Фанатики Севенн» рассматриваются особенности поэтики данного исторического романа Э. Сю с целью выявить на примере этого произведения характерные черты исторического романа середины XIX века. В **первом параграфе «Исторический контекст в романе»** анализируется исторический пласт романа Э. Сю. В «Жане

Кавалье» Э. Сю разоблачает роковые последствия отмены Людовиком XIV в 1685 году Нантского эдикта, что спровоцировало массовые преследования протестантов и народные восстания, в том числе и восстание в Севеннах в 1704 году. Предметом изображения в романе становится фанатизм как яркая степень проявления болезни общества: тема, затрагиваемая и в ранних французских исторических романах (См., напр. «Хроника времен Карла IX» (1829) П. Мериме). Причем на фоне исступленного фанатизма протестантов, наиболее ярко воплощенного в образе лесничего Ефраима и его отряда, показана меньшая жестокость католиков и тот фанатизм, который они проявляют в преследовании гугенотов, лишении их прав и свобод, их истреблении.

Отдельное внимание уделяется в параграфе рассмотрению образа мятежников, созданного Э. Сю. С этой целью вводится обращение к традиции изображения камизаров во французском романе: привлечение современных романистов в качестве посредников позволяет сделать характеристику исторического романа Э. Сю более полной, не ограничиваться рассмотрением произведения только с точки зрения верности историческим фактам/документам. Вслед за Э. Сю к теме Севенского восстания проявляют интерес французские романисты XX столетия Ж.-П. Шаброль, М. Оливье-Лакан и А. Шамсон. Сопоставительный анализ позволяет выделить характерные черты протестантского сознания: образность мышления, большое внимание к дарам Святого Духа, приверженность камизаров к евангельским заветам равенства и братства, вера в предопределенность бытия, исключительный авторитет Библии. Э. Сю оказывается не менее проницателен, чем писатели XX века, более того, закладывает, в своем роде, традицию изображения камизаров во французской исторической прозе.

Тема народного восстания, бунта, заговора была востребована среди ранних исторических романистов: Варфоломеевская ночь у П. Мериме («Хроника времен Карла IX», 1829), заговор при дворе Людовика XIII у А. де Виньи («Сен-Мар», 1826), контрреволюционный мятеж в Бретани у О. де Бальзака («Шуаны», 1829). В данном случае Э. Сю продолжает традицию этих писателей в изображении переломных моментов человеческой истории, когда ярче всего обнаруживается и ценность отдельного человека, и общий смысл эпохи, и проблемы общества того времени. Кроме того, исторические катаклизмы помогали романтикам понять современные социально-исторические события – восстания, войны, революции. Однако следует

отметить, что в романе Э. Сю дана иная концепция истории, чем та, что была связана с французской романтической историографией, воплощенной в трудах Мишле (история как серия катаклизмов, переворотов), Гизо (история как цепочка закономерностей), Тьерри (история как борьба народных масс), и находила свое отражение в сочинениях ранних исторических романистов⁷.

Традиционные черты раннего исторического романа прослеживаются в воссоздании образа эпохи, передаче местного колорита, быта и образа жизни севенцев. Однако в процессе изображения исторической действительности Э. Сю, в частности, отходит от метода картин, используемого Гюго – обширные панорамы и длинные описания в «Жане Кавалье» встречаются редко. Романист скорее не показывает, а рассказывает, что в принципе становится свойственно и другим романам 1840-1850-х годов, например, историческим романам А. Дюма.

Отмечается в главе и принцип датировки событий в романе, а также приемы, используемые романистом при изображении исторических событий в произведении. Совмещение приемов, унаследованных от исторических романистов начала XIX века (в частности – в изображении батальных сцен), с собственными средствами (напр., широкое использование принципа контраста) позволяет Э. Сю добиться убедительной реконструкции исторического события.

Характерной чертой поэтики исторических романов писателя является наличие ярко выраженной авторской оценки исторических лиц и событий. В «Жане Кавалье» большинство отступлений проникнуто негативным отношением автора к личности монарха и его политике, сочувствующей интонацией, когда речь идет о положении протестантов. О субъективном отношении Э. Сю к описываемым событиям свидетельствует и характер авторской речи: использование эмоционально окрашенных слов, экспрессивность. Тем не менее, это не нарушает ощущения достоверности изображаемых событий: родившись в лоне романтизма, исторический роман изначально не был примером объективного, бесстрастного повествования – даже если тон повествователя был спокойным, как у В. Скотта.

⁷ Подробнее о романтизме и романтической концепции истории см. в кн.: Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Гослитиздат, 1958. – 380 с; Махлин В. Л. Историзм: (К истории понятия) // Литературоведческий журнал. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – № 33. – С.5-24; Уайт Хейден. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002; Агаева К. Г. Характерные особенности романтизма в мировой литературе // Вопр. гуманит. наук. М., 2010. – № 3. С. 119-123; Claudon F., Encrevé A., Richer L. L'historiographie romantique. Bordeaux: Bière éd., 2007; Dictionnaire du romantisme / sous la dir. de Allain Vaillant. P.: CNRS, 2012. 850 p.

Во втором параграфе «Система персонажей» был проведен анализ образов как реальных исторических лиц, так и вымышленных героев романа. Персонажей романа можно разделить на несколько типов: исторические персонажи, полностью вымышленные и полувывмышленные герои, имеющие прототипов. Основную роль играют исторические лица, что отличает систему персонажей «Жана Кавалье» от ранних исторических романов, где исторические персонажи не принимают активного действия в развитии сюжета. Наибольший интерес представляло выявление того, какие приемы использует Э. Сю в своем произведении для создания образа того или иного героя, и являются ли персонажи «Жана Кавалье» характерными персонажами исторического романа XIX столетия или скорее героями roman populaire, предвестниками будущих героев паралитературы.

Вводя в роман нового героя, Э. Сю использует технику подробного портрета, характеристику персонажа через мнения о нем других героев, в ряде случаев – авторскую оценку героя (см. образ севенского архипресвитера), введение исторических анекдотов (маршал Вилляр), внутренний монолог. Введение вымышленных персонажей в повествование зачастую подчинено конкретной функции: каждый из них играет свою роль. Например, образ придворной актрисы Туанон связывает в романе историю с вымыслом. Именно она по поручению Вилляра очаровывает Кавалье, и чувство камизара к ней становится одной из главных причин, по которой он решает заключить перемирие, подписав договор с маршалом. Здесь вымышленный эпизод выводится как причина исторического события. Образы Туанон и ее спутника Табуро вводят также приключенческий элемент в повествование, их путешествия и злоключения призваны развлечь читателя, создать интригу.

Проведенный анализ системы персонажей позволил сделать вывод, что герои «Жана Кавалье» ближе к персонажам исторического романа начала XIX века, чем к героям «популярного романа»: они лишены тех черт, что свойственны персонажам зарождающейся в ту пору популярной беллетристики. В частности, они довольно подробно выписаны автором, уделяется достаточно много внимания психологической составляющей их образа. Их сложно интерпретировать однозначно, они не являются носителями или олицетворениями какого-то одного определенного качества. Отсутствует и строгая иерархия персонажей в романе, их распределение по амплуа

«Мстителя», «Жертвы», «Злодея»⁸, деление на положительных и отрицательных героев. Даже принимая во внимание присутствие мотива мести в романе (желание Кавалье отомстить маркизу де Флораку), вряд ли Кавалье можно отнести к «мстителям» в духе графа Монте-Кристо из одноименного романа А. Дюма. Нет и ярко выраженного «Злодея» в романе.

Третий параграф обращает внимание на наличие в «Жане Кавалье» характерных черт roman populaire, а также на те приемы создания увлекательности, которые использует Э. Сю в своем произведении. Прежде всего, нельзя не отметить сильное влияние готического, а также близкого к нему «неистового» романтического романа в произведении Э. Сю. Готические элементы в «Жане Кавалье» сконцентрированы прежде всего в образе протестантского дворянина, стекольного мастера Дю Серра и его Мас-Аррибасском замке. Однако образ замка, чрезвычайно важный для готического романа (см. «Замок Отранто» (1764) Уолпола), не является здесь сюжетообразующим. Принципиально отличает «Жана Кавалье» от «Замка Отранто» и наличие рационального объяснения таинственных событий: в романе Уолпола причины сверхъестественных явлений не раскрываются и ореол загадочного сохранен (Ср., напр. появление гигантского шлема в замке). Э. Сю же здесь ближе к Анне Радклиф, в романах которой все тайны получают рациональное обоснование.

Готическая традиция стала одним из источников для зарождения популярного романа, черты которого также просматриваются в «Жане Кавалье». Создавая произведения в жанре исторического романа, Э. Сю строит свои произведения на основе остро приключенческой интриги, богатой внезапными поворотами сюжета, драматизирует многие моменты французской истории, вводит героев, которые олицетворяют народную среду. Среди средств создания романической увлекательности следует также отметить присутствие комического элемента в произведении и свойственное Э. Сю соединение в романе жестокости и юмора: так, за достаточно комичной сценой разговора мэтра Жанэ с микелетом следует описание кровавого сражения при Тревьесе. Романист вводит в повествование мотив раскрытия тайны и мотив переодевания, перешедший из XVII-XVIII вв. в популярную литературу, а также широко использует такой прием, как саспенс (suspens). Сочетание натуралистических сцен и приключений в романе (убийство северного

⁸ Подробнее об этом см. в кн.: Daniel Couégnas. Introduction à la paralittérature. P. : Seuil, 1992. P. 172-174.

архипресвитера, расправа Кавалье над черными камизарами с одной стороны и путешествия Туанон и Табуро с другой), позволяет говорить о том, что Э. Сю соотносится одновременно и с поэтикой раннего исторического романа, взаимодействующего с бурно развивающейся романтической французской историографией, и с популярной беллетристикой, набирающей силу в 1830-е годы и закладывающей основы массовой литературы.

Вторая глава «Популярный (народный) романтический исторический роман: «Дочь регента» А. Дюма» рассматривает исторический роман А. Дюма об эпохе регентства Филиппа II Орлеанского, примыкающий по своему содержанию к роману «Шевалье д'Арманталь» (*Le Chevalier d'Harmental*, 1842). А. Дюма зачастую упрекают в неисторичности его произведений, чрезвычайной развлекательности последних. Цель главы – выявить, свидетельствует ли это об отходе от исторического романа в сторону романа плаща и шпаги, либо речь идет о некой жанровой трансформации.

В первом параграфе рассматриваются художественные параметры образа истории в романе. Погружая действие своего романа в эпоху Регентства, А. Дюма воссоздает дух этого исторического периода, отражает его характерные особенности: соединение серьезного и шуточного, показной строгости и фривольности, атмосферу вечного праздника и веселья. Этой функции служат не только авторские описания: чрезвычайно важны в этом аспекте оказываются диалоги персонажей (особенно – регента и его министра Дюбуа).

Заговор против регента, лежащий в основе романа, зарождается в Бретани. В связи с этим А. Дюма обрисовывает два пространственных плана, в которых и развивается основное действие произведения: Париж и Нант и его окрестности. В главах, посвященных событиям в провинции, автор не только обрисовывает обстановку, сложившуюся в Бретани к моменту действия произведения, но и излагает предпосылки и причины, побудившие бретонцев к организации заговора. Все это способствует воссозданию местного колорита в произведении и отсылает нас к традиции раннего исторического романа (В. Скотт, О. де Бальзак). Воинственная, гордая и непокорная натура бретонцев воплощается в романе прежде всего в образе Гастона, не согласного отступить ни на шаг от возложенной на него миссии и от данного слова. Отмечается в романе и свойственная бретонцам суеверность, что ранее

было описано еще О. де Бальзаком в «Шуанах». У А. Дюма эта черта воплощена в характере бретонского дворянина Понкалека, в его безоговорочной вере в предсказание, что его может погубить только море и ничего больше (глава «Колдунья из Савнэ»).

Примечательно, что в отличие от большинства своих исторических романов в романе «Дочь регента» А. Дюма не акцентирует внимание на каком-либо широко известном историческом событии, будь то осада Ла-Рошели, убийство герцога Бэкингема («Три мушкетера»), казнь английского короля Карла I («Двадцать лет спустя»), Великая французская революция (тетралогия о Великой французской революции: «Жозеф Бальзамо», «Ожерелье королевы», «Анж Питу», «Графиня де Шарни»). В данном случае А. Дюма касается заговора против регента, действительно имевшего место, однако использует его лишь как сюжетную канву, выбирая малоизвестный эпизод заговора и практически не давая каких-либо исторических фактов. Писатель скорее обращается к воссозданию именно картины эпохи, духа времени периода Регентства во Франции. Можно сказать, сама эпоха выступает в роли главного исторического события романа.

Прослеживаются в романе «Дочь регента» темы и мотивы, встречающиеся в традиции раннего французского исторического романа эпохи романтизма. В частности, желание обратиться к прошлому, интерес к проблеме чести и нравственности, который свойственен, например, и А. де Виньи. В романе А. Дюма тема чувства и долга воплощена в образе Гастона дю Шанле, вынужденного выбирать между своей миссией в заговоре против регента и семейным счастьем с возлюбленной Элен. А. Дюма также использует приемы, характерные для исторического романа XIX века в целом: это соединение в границах повествования вымышленных и реальных лиц, отражение колорита эпохи, видение исторических событий глазами вымышленного персонажа. Вслед за ранними историческими романистами особое внимание А. Дюма уделяет изображению народа, города как живого организма и стихийной силы природы. Этот интерес писателей к изображению толпы (см., напр. романы А. Виньи, В. Гюго, Ч. Диккенса), ее художественному толкованию, в конце XIX века соединяется с интересом к психологии, социологии, философии толпы, массы.

Второй параграф посвящен рассмотрению системы персонажей романа, в том числе подробному анализу центральных фигур произведения: исторических лиц (регент, Дюбуа) и вымышленных героев (Гастон, Элен де Шаверни). Среди характерных приемов А. Дюма, используемых для раскрытия характера персонажа, стоит отметить стремление романиста изобразить своих героев, особенно исторических лиц, в повседневной жизни, в будничном общении, что дополняет представление о них. «Дочь регента» является в данном случае наиболее показательным произведением, ведь в нем регент представлен нам скорее с частной точки зрения, как любящий отец и семьянин, а уже потом как государственный деятель. Частная жизнь правителя вынесена на первый план и занимает его на протяжении всего романа. Первые главы произведения посвящены посещению регентом двух своих дочерей и сына Луи, его участию в их судьбах. Даже тема заговора королевского значения раскрывается через призму личной жизни Филиппа Орлеанского. Именно его частная жизнь определяет его действия и поступки.

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что персонажей данного романа А. Дюма нельзя однозначно соотнести ни с традицией изображения героев у ранних исторических романистов, ни с системой персонажей, принятой в паралитературе. Так, с одной стороны при характеристике своих героев А. Дюма активно использует технику подробного портрета для исторических персонажей, внутренний монолог для выражения мыслей и чувств, авторскую речь как способ психологической характеристики. Все эти средства и приемы находили ранее отражения в исторических романах первой половины XIX века, а также в романе «Жан Кавалье» Э. Сю. И такое внимание к образам персонажей не соотносится с зарождающейся традицией популярной беллетристики. Однако в то же время герои «Дочери регента» достаточно явно делятся на положительных и отрицательных, в том числе благодаря присутствию авторского отношения и оценки. Грань добра и зла в романе не размыта, Дюбуа, несмотря на свои, казалось бы, благие цели по спасению государственной независимости, оказывается в числе отрицательных героев, в противовес регенту, Гастону и Элен. Характерен для популярного романа и образ Элен де Шаверни: он мало прописан, при его создании автор использует довольно большое количество клише, отсутствует развитие образа по ходу романа. В некоторых сценах романа Элен предстает в роли классической «Жертвы», Гастон – в роли «Спасителя», регент – в

роли могущественного «Покровителя». Таким образом, система персонажей романа «Дочь регента» занимает скорее промежуточное положение, сохранив ряд черт, присущих раннему историческому роману, и все более тяготея к героям популярной беллетристики.

Третий параграф акцентирует внимание на чертах популярной беллетристики в романе А. Дюма. Близость к популярной литературе проявляется уже на уровне построения текста: в «Дочери регента» по ходу повествования встречается достаточно мало описаний, основное место романист отдает диалогам и развитию сюжета для поддержания читательского интереса. Беллетристичность текста А. Дюма обусловлена отчасти и формой публикации произведения: первоначально роман выходил в форме романа-фельетона. В связи с этим в «Дочери регента» активно используется техника повтора (частые повторы в случае романа-фельетона были вполне обоснованы, принимая во внимание публикацию порциями), отмечается постоянное присутствие рассказчика в романе (для удержания читательского интереса от номера к номеру необходимо было создавать иллюзию постоянного диалога между автором и читателем).

Встречается в романе ряд клише, общих мест, что позже найдет широкое отражение в популярной литературе: прежде всего это касается образа Элен де Шаверни и любовной линии в целом. Особо стоит отметить мотив переодевания: маски, псевдонимы, костюмы повсеместно присутствуют в романах А. Дюма. В случае «Дочери регента» весь роман напоминает маскарад, где Гастон, полагая, что находится среди друзей, с самого приезда в Париж оказывается в руках переодевшихся регента и Дюбуа. Тем самым, заговор обречен задолго до финала романа. Символично также, что одна из ключевых сцен романа, в которой Гастон должен исполнить свою миссию и убить Филиппа Орлеанского, а также решающий разговор между бретонцем и регентом происходит на маскараде в Монсо. Мотив переодевания вносит элемент игры в произведение, некоторой театральности. Он также гармонично вписывается в исторический контекст романа, поскольку в данном случае эпоха Регентства с ее непринужденностью и легкостью нравов заключает в самой себе некую игривость.

Многочисленные мотивы и приемы, направленные на создание увлекательности и находящие отражение в произведении, свидетельствуют о том, что, не теряя связи с

романтической традицией в изображении исторического контекста, роман А. Дюма становится носителем собственно романического интереса, увлекательным жанром популярной беллетристики. Как справедливо замечает Бриджитт Крулик, «романы Дюма находятся между двух полюсов, точнее, черпают одновременно из двух источников: канонического и популярного»⁹. Многие присутствующие в произведении мотивы (мотив переодевания, постоялого двора/таверны, дороги) со временем переходят в приключенческий роман, набирающий силу в середине XIX века, а также в другие жанры популярной литературы. Можно сказать, что А. Дюма создает в русле жанра исторического романа эпохи романтизма некий синтетический жанр – популярный (народный) романтический исторический роман, намечая тем самым дальнейший переход в roman populaire. Важно акцентировать внимание на употреблении в данном случае французского слова «популярный» («populaire») именно в значении «народный», поскольку во Франции XIX века слово «populaire» было многозначным и означало как «распространенный среди простого народа», так и «популярный» в нашем современном понимании. Кроме того, если в настоящее время слово «массовое», «популярное» носит негативный оттенок, то в XIX веке это же слово «populaire» имело несколько смыслов и не имело однозначно отрицательной коннотации.

В третьей главе «Исторический роман «Одержимая» Ж. Барбе д'Оревийи» представлялось интересным выявить особенности исторической романистики писателя, проведя анализ «Одержимой» в контексте осмысления роли памяти в истории и репрезентации минувшего события в художественном произведении, воссоздания местного колорита, особенностей системы персонажей и присутствия элементов популярной литературы в произведении.

Действие романа «Одержимая» Ж. Барбе д'Оревийи происходит в Нормандии конца XVIII в., несколько лет спустя после войны шуанов и синих (республиканцев). По первоначальному замыслу писателя «Одержимая» должна была войти в цикл произведений, посвященных движению шуанов в Нормандии, под названием «Запад» (*Ouest*): Ж. Барбе д'Оревийи хотел создать нечто подобное «Хроникам Кэнонгейта» В. Скотта (*Chronicles of the Canongate*, 1827-1828). Однако замысел писателя не был воплощен в полной мере. Помимо «Одержимой» в серию планировалось включить

⁹ Krulic B. Fascination du roman historique : Intrigues, héros et femmes fatales. P.: Ed. Autrement, 2007. P. 33.

исторические романы «Шевалье де Туш» (*Le Chevalier Des Touches*, 1864) и «Дворянин с большой дороги» (*Gentilhomme de grand chemin*), который так и не был написан.

В первом параграфе «История и память в романе. Принципы воссоздания местного колорита» на примере «Одержимой» рассматривается подход романиста к воссозданию прошлого, а также его восприятие истории, исторического движения. В концепции Барбе д'Оревийи противопоставлены понятия «время» и «история». Время приглушает яркость когда-то реально произошедших событий, история же противостоит этому процессу забвения. Она является знанием и памятью, без нее человек был бы лишь неприкаянной частицей, похваченной непрерывным потоком жизни. Барбе д'Оревийи различает историю «реальную» и «возможную». Первая – это факты, имевшие место в действительности, а вторая служит дополнением фактов, заполнением лакун в официально известной истории событиями, соответствующими духу эпохи, и, следовательно, вполне вероятными. Большую роль для Барбе д'Оревийи играют не официальные исторические свидетельства, а воспоминания, слухи, легенды, передающиеся из поколения в поколение. Эта приверженность неофициальным свидетельствам связывает Барбе д'Оревийи с ранними историческими романистами XIX века – В. Скоттом, П. Мериме, А. де Виньи, при этом приобретая в его творчестве новое развитие. Если романтики «первой волны» рассматривают документальные источники как официальную историю, считая неофициальные свидетельства и память народа историей подлинной, то для исторических романистов середины века акцент еще больше смещается именно на то, что хранит память. Причем в фокусе оказывается память не только коллективная, но и индивидуальная, способность отдельных людей запоминать и забывать.

Взгляд писателя на историю иной, чем у его предшественников: Барбе д'Оревийи обращается к прошлому как к объекту ностальгии по безвозвратно ушедшим временам. Он не видит в этом прошлом средства для изменения ситуации в настоящем, лекарства, которое бы помогло излечить недуги современной писателю действительности.

Рассмотрена в параграфе и организация времени в произведении. Временное пространство романа неоднородно и многослойно. Все повествование происходит в прошлом, однако временные пласты переплетаются, то и дело происходят переходы

из менее отдаленного прошлого в более отдаленное и обратно. Тем не менее, несмотря на довольно сложную временную организацию текста, датировка событий как таковая в романе практически отсутствует. Чаще всего используются неопределенные временные маркеры: «однажды» (*Un jour*), «в тот день» (*ce jour-là*), «в тот вечер» (*ce soir-là*), «одним зимним днем» (*un jour d'hiver*), «в то воскресенье» (*ce dimanche-là*). Подобная датировка закономерна: поскольку же основной корпус «Одержимой» составляют вымышленные события с участием вымышленных персонажей, то автор старается избегать точных дат (то же встречаем и у А. Дюма в романе «Дочь регента»). Однако в случае «Одержимой» это не единственная причина отсутствия датировки. Обращение к роли памяти и присутствию мотива воспоминания в романе позволило прийти к следующим выводам. Ж. Барбе д'Оревийи вводит в повествование двух рассказчиков: неназванного повествователя и мэтра Тэнбу. В результате получается композиция, построенная по принципу двойного воспоминания. Ж. Барбе д'Оревийи представляет читателю не просто рассказ, соответствующий духу эпохи, а своего рода слепок событий, сложившийся в памяти людей, которые – каждый по-разному – эти события переживали. Исторические факты в романе пропущены через призму индивидуального восприятия. Читатель путешествует вместе с героями произведения по их воспоминаниям, где для автора крайне важной оказывается психологическая составляющая, восприятие человеком прошлого. Можно предположить, что таким образом исторический роман Ж. Барбе д'Оревийи намечает переход к новому типу психологизма, предвосхищая романы М. Пруста¹⁰.

Интересны и примеры воспоминания как представления событий прошлого, присутствующие непосредственно в сюжетном пласте романа. Они играют большую роль, поскольку именно вокруг них и строится произведение. Действие «Одержимой» не происходит в прошлом, как, например, в исторических романах А. Дюма, сюжет представляет собой лишь воспоминание о произошедших некогда событиях. В этом романе-воспоминании Барбе д'Оревийи все события предстают перед глазами читателя через картины из памяти тех или иных персонажей (Клотт, местного кюре,

¹⁰ Связь Барбе д'Оревийи и Пруста отмечается многими исследователями, см., напр.: Соколова Т. В. Загадка Барбе д'Оревиля // Многоликая проза романтического века во Франции. СПб: СПбГУ, 2013. 400 с.; Rogers, Brian G. Proust et Barbey d'Aureville [texte imprimé] : le dessous des cartes. P.: Honoré Champion, 2000. 300 p; Barbey d'Aureville 18 : Sur la Critique. P.: Caen, 2004. 216 p.

мэтра Тэнбу). В недра собственной памяти погружается и сам повествователь: одно случайное слово вызывает целый ряд воспоминаний у рассказчика «Одержимой», подобно тому, как давно забытый вкус кекса «мадлен» неожиданно провоцирует у героя «По направлению к Свану» (1913) Пруста череду образов и картин из его детства.

Объектом исторической памяти в романе Барбе д'Оревийи является не столько то или иное историческое событие или эпоха, сколько жизнь отдельно взятых людей, их судьбы. Возможно, именно поэтому писатель выбирает не столь удаленный во времени исторический период, чтобы он укладывался в рамки одной человеческой жизни. Каждый персонаж (аббат Круа-Жюган, Клотт, Тома ле Ардуэ) переживает в себе это событие (движение шуан) по-своему, преломляя его и раскрывая с разных сторон посредством собственной памяти. Для Барбе д'Оревийи ценнее исторических свидетельств оказывается репрезентация исторического события глазами людей, их личное восприятие, то, как этот эпизод истории воплощается в их судьбах, накладывая на них свой отпечаток. История народа и страны воссоздается посредством изображения личной истории отдельных простых людей. Именно простых, поскольку известные исторические личности в романах Барбе д'Оревийи оттеснены на второй план, либо вовсе отсутствуют, как в случае «Одержимой».

Таким образом, поскольку весь роман будто представляет собой одно большое воспоминание, датировка в «Одержимой» оказывается не нужна: точные даты чаще всего со временем стираются из памяти за исключением случаев, когда речь идет об известных или значимых для человека событиях. Кроме того, делая акцент на воссоздание исторической эпохи через память о ней отдельных людей, Барбе д'Оревийи не помещает в роман исторические события как таковые. В отличие, например, от «Жана Кавалье» в «Одержимой» факты истории играют лишь роль маркеров среди вымышленного действия, которое оказывается таким образом помещено в исторический контекст.

Местный колорит в «Одержимой» воссоздается не только через пейзажные зарисовки нормандских ланд и описания нравов нормандцев, но и через языковые особенности: писатель уделяет большое внимание передаче местного диалекта в тексте романа. На нем говорят многие герои (мэтр Тэнбу, Нонон Кокуан, пастухи), также романист вводит в повествование нормандские песенки и поговорки.

Во втором параграфе «Система персонажей» в центре анализа находятся несколько центральных образов романа, которые раскрывают важные для Барбе д'Оревийи темы и мотивы. С аббатом Круа-Жюганом, главным героем «Одержимой», связана в романе тема памяти об участии конкретного человека в историческом процессе. Несмотря на духовный сан, аббат так и не может забыть о своем военном прошлом шуана. Эти воспоминания не дают ему покоя, приобретая симптомы страсти, с которой герой не в силах совладать даже по прошествии лет. Он сам осознает это, однако тема раскаяния не присутствует в романе. Герой скорее замыкается в себе и предается отчаянию, когда понимает, что его цель (реставрация монархии) не может быть достигнута, он страдает, но не от чувства вины.

В лице аббата автор также отражает внутренний конфликт человека между долгом (духовным саном и своим предназначением) и мирской страстью (стремление к военным подвигам и приключениям, одержимость идеей восстановления старого режима). Наказанием за измену своему предназначению (во времена шуанского движения Круа-Жюган берется за оружие, а не эмигрирует из страны подобно его собратьям), а также за свою гордыню аббату служат шрамы на его лице, принесшие ему столько мук и, тем не менее, сохранившие ему жизнь, призванные впоследствии до конца его дней служить красноречивым свидетельством его преступления.

Образ священника, охваченного мирскими страстями, которые, в конце концов, толкают его к грехопадению, заставляют вспомнить роман «Монах» (*The Monk*, 1796) М. Г. Льюиса и его главного героя, монаха Амбросио, который не просто поддается мирским соблазнам и совершает преступления, но и продает свою душу дьяволу. Оба служителя Бога охвачены одной страстью – гордыней. Проповеди Амбросио, вызывающие восторг прихожан и тем самым подпитывающие его тщеславие, и выражение внутреннего превосходства и величия на лице Круа-Жюгана во время службы при виде благоговения, которое он внушает жителям Бланшеланда, свидетельствуют об этом, сближая эти два образа.

В образе аббата Круа-Жюгана воплощен характерный герой прозы Барбе д'Оревийи: одинокий борец с действительностью и с самим собой, исключительная личность, верная до конца своим идеалам¹¹.

¹¹ Подобные черты прослеживаются в образах Де Туша («Шевалье Де Туш», 1864), Жана Сомбреваля («Женатый священник», 1865).

Второй ключевой персонаж романа – Жанна ле Ардуэ – раскрывает в «Одержимой» тему страсти, приобретающей симптомы болезни, подтачивающей человека изнутри. Именно с ней связано название произведения. Любовь к духовному лицу развивается в Жанне постепенно. Динамика эволюции чувства показана автором, прежде всего, через портрет героини.

Нужно отметить ряд сходств между двумя центральными образами романа: Жанной и аббатом Круа-Жюганом. Оба они охвачены страстью, поглощающей их целиком, которую они не в силах победить в себе: аббат – стремление к военной жизни и к реставрации прежнего порядка, Жанна – свою любовь к священнику. Оба вынуждены жить с внутренним огнем внутри, который ничто не может потушить, сознавая при этом преступность своей страсти. Оба персонажа решаются совершить самоубийство, осознав, что их страсть не может быть удовлетворена, несмотря на то, что одна является религиозной девушкой, а второй – и вовсе духовным лицом.

Введение писателем в систему персонажей героев, олицетворяющих собой типичных нормандцев того времени (мэтр Тэнбу, портниха Нонон Кокуан) становится одним из средств воссоздания местного колорита. Создает романист и образ парвеню, заработавшего свое состояние путем приобретения государственного и церковного имущества после революции (Тома ле Ардуэ).

В третьем параграфе выводятся элементы популярной литературы в романе. Помимо присутствия готических мотивов (образ аббатства Бланшеланда) стоит отметить наличие фантастического элемента в произведении. Грани между реальным и фантастическим в романе практически стираются: вполне реалистичную историю (пусть и с намеками на сверхъестественную одержимость Жанны) Ж. Барбе д'Оревийи завершает совершенно невероятным, фантастическим финалом¹². Наказание аббата за его преступления при жизни против своего предназначения и за попытку самоубийства – обреченность на муки вечно пытаться отслужить свою последнюю мессу, однако никогда не смочь отслужить ее до конца.

В рамках выявления черт популярной беллетристики в «Одержимой» уделено внимание и паратексту романа. Особый интерес представляет заглавие произведения.

¹² Тесное сплетение фантастического и реального свойственно и другим французским историческим романам романтизма, напр. роману Гюго «Ган Исландец». Подробнее об этом см.: Пахсарьян Н.Т. Ранний Гюго и готическая традиция во французской литературе / Гюго В. Ган Исландец. Бюг-Жаргаль // Серия «Литературные памятники». М.: Ладомир, Наука, 2013. С. 579-635.

Оно в принципе не характерно для классического исторического романа XIX века: не историческое событие, не имя персонажа, а его психологическая характеристика оказывается в названии. Это свидетельствует об усилении интереса исторических романистов к психологизму.

Присутствие в «Одержимой» мотива крови, широкое использование автором готических мотивов и мистического элемента свидетельствует об обращении романиста к поэтике популярной литературы. К характерным чертам поэтики романа следует также отнести наличие натуралистических сцен и топоса тела. Кроме того, в историческом романе Барбе д'Оревийи есть то, что не было свойственно французскому историческому роману 20-30-х гг. XIX века: вера в сверхъестественное. Причем не только герои романа верят в него, но и сам автор. Это то новое, что приобретает жанр исторического романа в середине XIX столетия. Он не только развивается в сторону социального и приключенческого романа¹³, что мы видим на примере Э. Сю и А. Дюма. Он развивается и трансформируется и в другом измерении: в сторону фантастического, присутствия мистического пласта, сверхъестественного в произведении. Многие сцены и эпизоды предвосхищают возникновение таких жанров популярной беллетристики, как триллер и фантастика. Тем не менее, обогащая поэтику жанра исторического романа новыми приемами и особенностями, историческая проза Барбе д'Оревийи не утрачивает связь с жанровой традицией. Неканонические структура и подход к воссозданию прошлого отнюдь не выводят этот роман из жанровых рамок.

В **Заключении** сформулированы итоги исследования. Исторический роман 1840-1850-х гг. демонстрирует связь с жанровой традицией, заложенной в начале века: произведениями В. Скотта, А. де Виньи, П. Мериме, О. де Бальзака, В. Гюго. Об этом свидетельствуют многие черты поэтики проанализированных произведений. Тем не менее, со временем намечается смещение акцентов в жанровых рамках исторического романа в сторону популярной беллетристики, зарождающейся в тот период. Прежде всего, это проявляется в том, что исторический роман все больше добавляет в свою поэтику черты/элементы, направленные на привлечение внимания читателя, развлечение публики.

¹³ Эти черты, в принципе, можно было встретить уже и у В. Скотта. Хотя его произведения и не причисляют к популярной беллетристике, в его романах есть характерные черты приключенческого романа, присутствует приключенческий элемент.

Меняются несколько и функции самого исторического романа. Произведения Скотта, Виньи, Мериме служат примером того, что романтический исторический роман рождается как литература, которая требует исторической эрудиции, расширяет ее и даже в чем-то опережает историографию, имея подчас ценность исторического документа. Но по мере своего развития, не теряя, впрочем, этой первой функции, он становится носителем собственно романического интереса, приобретая черты популярной беллетристики¹⁴. На любом литературном произведении лежит отпечаток той эпохи, когда оно было создано. Таким образом, в 40-50-е гг. жанр исторического романа претерпевает ряд изменений, в поэтику жанра привносится что-то новое.

Однако это нисхождение в русло популярной беллетристики не стоит воспринимать как упадок одного жанра (в данном случае – исторического романа) и появление другого (приключенческого романа, roman populaire). Речь идет скорее именно о *модификации* существующей жанровой формы, а не о выработке новой (допустим, фантастического, мистического романа в случае Барбе д’Оревиий). Таким образом, высказывания ряда исследователей об исчезновении исторического романа как жанра после 30-40-х гг. XIX столетия¹⁵ представляются не совсем корректными: исторический роман не исчезает, а лишь переживает определенные трансформации под влиянием различных (в том числе и внешних) факторов. Кроме того, несмотря на многочисленные попытки дать наиболее полную формулировку, далеко не все исторические романы романтизма можно подвести под элементарное определение жанра. В любом случае присутствует так или иначе ряд особенностей, не вписывающихся в единую концепцию.

Проделанный анализ позволил выявить ряд черт, присущих историческому роману середины XIX века:

- сочетание историко-культурных деталей с романической увлекательностью и авантюристичностью;

¹⁴ Романы В. Скотта также имеют черты популярной беллетристики, но его «популярность» несколько иного рода, чем у французских исторических романистов середины XIX в. Произведения Скотта имели успех у читателя, однако, прежде всего, это было научное историческое изыскание: его сочинения опережали развитие историографии, выполняли отчасти ее функции. Кроме того, представление о рыночной литературе, книге как товаре в те времена еще не сформировалось. Подробнее о взаимодействии Скотта и «Common» Novel см. в кн.: Garside P. D. Walter Scott and the “Common” Novel, 1808–1819 // Cardiff Corvey: Reading the Romantic Text 3 (Sep 1999). http://www.cf.ac.uk/encap/corvey/articles/cc03_n02.html.

¹⁵ См. работы об историческом романе Д. Лукача (Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик, 1937 – № 7, 9, 12; 1938 – № 3, 7, 8, 12.), Л. Мэгрона (Maigron L. Le roman historique à l’époque romantique. Essai sur l’influence de Walter Scott. P. : Champion, 1912).

- актуализация, обращение к социальным вопросам и проблемам, наличие связи с настоящим, подчас – введение в повествование прямых параллелей с событиями современности (см., напр. «Одержимая» Ж. Барбе д’Оревийи);
- использование приемов возбуждения романического интереса, свойственных произведениям паралитературы;
- введение в структуру исторического романа тем и мотивов, предвосхищающих дальнейшее появление жанров популярной беллетристики (шпионский роман, фантастика, триллер).

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора общим объемом 2,1 п.л.

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Исторический роман как жанр популярной беллетристики: трилогия о мушкетерах А. Дюма // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 2013. № 2. С. 167-175. – 0,5 п.л.
2. Французский исторический роман 1840-1850-х гг.: «Жан Кавалье, или фанатики Севенн» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 309-314. – 0,4 п.л.
3. Роль памяти в истории. «Одержимая» Ж. Барбе д’Оревийи – исторический роман-воспоминание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-3 (34). С. 116-119. – 0,4 п.л.
4. Образ истории и романическая увлекательность в трилогии о мушкетерах А. Дюма // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 3 (в печати). – 0,7 п.л.

Другие публикации:

5. Французский исторический роман 1840-1850-х годов: «Жан Кавалье, или фанатики Севенн» Э. Сю // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. [Адрес ресурса: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2295.htm]. – 0,1 п.л.

для заметок